

П О В Е С Т Ъ О Л Ю Б В И

В садах кипенно-белое буйство черемухи. Отягченные цветком, склоняются долу ветви.

По утрам я распахиваю окно. Обрызганные предрасветным дождичком, пышно-снежные груды ветвей шаркают по стеклу, и в комнату течет густой медово-горький запах.

Живу я у одинокой старушки, в домике у околицы, за которой сразу же начинается черемушкин. Стены моей горницы увешаны вышивками с соловьями. Соловьи похожи на воробьев, а цветы на ультра-синие кляксы. В углу, на божнице, задрнутой чистой шторкой, — позеленевшие иконы. Под ними прибит плакат и портрет Гагарина, вырезанный из газеты.

В домике — чисто вымытые полы, свежепобеленные низкие потолки и стены, поющие двери. Тихо, уютно.

Я приехал сюда в отпуск, чтобы в деревенской безмятежности писать давно задуманную повесть о любви.

По утрам хозяйка приносит мне завтрак, ставит его на вы-
сложенный до желтизны непо-

— Чего бояться-то? — удивляюсь я.

— Церковь ране была. По ночам кони там пляшут. Сват Евсей говорил.

Сват Евсей — сосед, пасечник. Его почему-то все сватам зовут. Грузный, с рыжей лопатистой бородой и багровым лицом, он подает широкую горячую ладонь и вежливо спрашивает каждый раз:

— Нешто здоровьице-то? — И сам же отвечает: — Нешто. Образуется.

Мы подолгу разговариваем с ним. Он рассказывает о повадках пчел, о целебных травах, о приметах на погоду. Раз я спросил у него про коней, пляшущих в клубе. Из-под кустистых бровей сват Евсей цепко ошупал меня взглядом, улыбнулся открыто, по-детски, а ответил уклончиво:

— Всяко народ болтает. Народ — что дите...

Как-то приходят ко мне Клава и Толик, механик кинопередвижки.

— Мы по делу. — Обычно насмешливая и игривая, Клава на этот раз серьезна и хму-

Б Ы Л Ъ

В городе нам везет: достаем «Праздник святого Иоргена» — старую, но умную и злую картину. В библиотеке — выращиваем «Библию для верующих и неверующих» Ярославского и «Чудотворную» Тендрякова.

Но на диспут никто не приходит. Никто из верующих. Приходят мальчишки, сидят на первых рядах, хихикают.

— Что делать? — спрашивает Толик и одергивает гимнастерку.

Остается одно: идти на Рябиновое озеро и сорвать затею с наказанием Маши.

Маша в этот вечер не видно — что-то заботливые руки бергут ее от нас.

Утром мы опаздываем. Маша уже ползет. За ней движутся какие-то темные фигуры и гнусавят псалмы. И так не вяжется эта злоеющая процессия с летним утром, с нежаркими лучами раннего солнца, с птичьим гамом в березнике, что, кажется, вышла она из тумана

Толик расправляет под ремнем гимнастерку и преграждает путь. Мы присоединяемся к нему. Процессия останавливается.

Между нами лежит Маша. Стоим долго, лицом к лицу, и молчим. Стоим до тех пор, пока темные фигурки не начинают трусливо шмыгать в березник, где еще висят клочья тумана.

Последним уходит сват Евсей. Уходя, цедит сквозь зубы:

— Ты бы, милый, писал себе пописывал... — и срывается в злобе: — Ездют тут... в душу мать!

Уходит каменно-тяжелой походкой, по-волчьи наклонив голову.

Толик поднимает Машу. С ободранных колен капает кровь, смешанная с землей. Маша не может идти.

...Над деревней неистовствует гроза. Тревожно шумят деревья. Вспышки молний освещают черемушник, и я не узнаю его в фантастической игре света и тьмы.

Загора я уезжаю. Повесть о

К черту ландыши! Драться надо, а не сюсюкать над распустившимся цветком. Иначе какой я писатель, какой учитель жизни! Я напишу в газету очерк, статью, я буду стучать, буду кричать: «Люди, среди вас сват Евсей! Он не сдался!»...

Хлопает дверь. На пороге мокрая Клава. Виновато улыбается:

— На огонек зашла. Проститься.

Говорим долго: о Маше, что еще болеет, о комсомольской бригаде, которую организовали для борьбы с сектантами, о том, что нужно ходить по домам с библией и тут же на месте раз'яснять ее обман. Я снова удивляюсь, что Толик так хорошо знает библию.

— Да любит же он Машу, — с легкой досадой говорит Клава. — Вот и изучил. Вернулся из армии, а вместо свадьбы-то за библию засел!

«Любит», — подумал я. Вспомнилась ненаписанная повесть о любви. Какой она должна быть эта повесть? Не знаю.

мне завтрак, ставит его на выскобленный стол и уважительно вздыхает, глядя на чистые листки бумаги:

— Все пишешь? Ох, господи, грузное, видать, занятие. Моготы-то хватит?..

Я с'едаю все со здоровым аппетитом, какого у меня никогда не было в городе. Потом читаю лирическую повесть в красивой суперобложке под безрезовую бересту и мечтаю написать такую же прекрасную книгу.

Но повесть не пишется. Вечерами брожу за околицей по берегу мелкой светлой речушки. Вдали, за ровными зелеными, синеют горы, будто нарисованные прозрачной акварелью. Над затихающей степью, как серая молния, носится копчик, вслед ему тревожно по-свистывают суслики.

Раз, сидя на берегу и наблюдая, как ползет первая, еще теплая тень от деревьев, слышу из-за кустов:

— Квеля ты, Машка, стала. Хвораешь?

— Нет.
— Иль, может, влюбилась? Молчание.

— А я любви хочу. Большой, как степь! Как в книжках пишут!

По голосам узнаю: доярки. Синеглазая Маша с косами цвета осенней березы и Клава — чернوبرовая красавица-вдова.

Ивушка зеленая, над рекой склоненная,

Ты скажи, скажи, не тая, где любовь моя? —

сильным грудным голосом начинает Клава. Маша тихонько подхватывает, и песня — задумчивая, светлая — трепетно бьется над багряной в закатный час речной в извечной девичьей мечте о любви, о милон...

Вечером деревня оживает. Возвращаются с поля колхозники, прогоняют стадо, где-то пилкает гармошка. В клубе устраиваются танцы, выступает хор самодеятельности, крутят кино.

— Не боишься в клуб-то ходить? — спрашивает хозяйка.

Анатолий ЖАМЕРО

Т Ч И З Н Ы

а врывается в душу,

е дает:

и глуше,

трет.

нее счастья,

ее стихий.

ок, своевластен,

ить мне в стихи!

воды нас вызвал

грядущих времен.

вок к коммунизму —

пиктует закон.

ной ракетой.

кают в пути.

рассвета к рассвету

агом плестись!

наместилпал и игрная. Клава на этот раз серьезна и хмура. — Завтра Маша поползет от Рыбиного озера до Козлиного родника.

— Как поползет? — не понимаю я.

— Натурально! — с вызовом говорит Клава. — Душу спасать. Провинилась она в секте, в кино сходила.

Толик одергивает солдатскую гимнастерку с еще невыгоревшими следами от погон и, как у командира, спрашивает:

— Что прикажете?
Я теряюсь. Мне еще не приходилось сталкиваться с таким делом.

— Отговорить бы надо... Толик встряхивает вьющимся, как повиллика, светлым чубом.

— Пробовала. Отговаривать надо уметь.
— Может, книга у кого есть антирелигиозная?

— Нету. — отвечает Клава. — Брошюрки есть. Только шибко по-ученому написаны — и неверующий читать не станет, не то что богомольный.

— У них дело лучше поставлено. — Толик протягивает книжечку с крестом на обложке.

«Сборник духовных песен», читаю я. Издан в Москве всесоюзным советом евангельских христиан — баптистов.

Сборник новенький. Бумага лощеная. На такой бумаге сейчас и классиков не издают.

— Может, и нам эти песенки затянуть? — с вызовом спрашивает Клава. — От вас не дождешься. Все про любовь пишете, да кто с кем разведется. А вот как с баптистами воевать?

Я молча проглатываю эту пилюлю.

Но все же что делать? Пойти уговаривать Машу? Уже пробовали. Силой удержать ее? Нельзя. Устроить диспут? Но для этого надо хорошо знать библию, а я ее, например, и в глаза не видел. А ведь было время — комсомолия яростно громила попов на диспутах. И это действовало лучше всяких лекций.

К моему удивлению оказалось, что Толик хорошо знает библию.

— Чтобы бить врага, надо знать его оружие. Так учили нас в армии, — он туго одергивает гимнастерку.

Решаем: устроить диспут. Мы с Толиком едем в районный центр за кинокартиной на антирелигиозную тему. Нам предлагают «Девушку с гитарой».

— Нету. — разводит руками зав. райотделом культуры. — Рад, да нету. Может, в городе найдете? Как раз машина идет... Насчет диспутов установки не поступало. А лекций по району за два квартала м-м... пятьдесят одна. — Он поднимает пухлый палец. — Сто два процентика! М-да...

Обычно лучше и разное слово, с которыми там в березнике, что, кажется, магия она на тумана средневековья...

За Машей идет сват Есей и через несколько шагов бьет ее плетью.

Событие мирового значения

СОФИЯ, 13 декабря. (ТАСС). «Забота о благе человека — высший долг ленинской партии», «Реальная программа повышения благосостояния народа», «Гигантские темпы — огромный размах» — под такими заголовками сегодняшние болгарские газеты публикуют высказывания участников Пленума ЦК КПСС.

Пленум, посвященный даль-

нейшему развитию химической промышленности, является событием мирового значения, указывает в редакционной статье «Работническое дело». В докладе Н. С. Хрущева и в выступлениях других ораторов, пишет газета, поставлены жизненно важные проблемы не только для Советского Союза, но и для всей социалистической системы.

«ГИГАНТСКАЯ ПРОГРАММА»

ЗАПАДНЫЙ БЕРЛИН, 13 декабря. (ТАСС). «Гигантская программа» — так озаглавила западноберлинская газета «Ди вархейт» комментарий по поводу плана развития химической промышленности СССР, изложенного в докладе Н. С. Хрущева на Пленуме ЦК КПСС.

Касаясь целей плана, «Ди вархейт» пишет: «Речь идет не

об одностороннем развитии химической промышленности, а о том, чтобы, опираясь на мощное химическое производство, поднять благосостояние народа, повысить жизненный уровень, обеспечить такое обилие продовольствия, одежды и товаров массового потребления, чтобы и в этой области СССР мог занять ведущее место в мире».

Сегодня в театрах и кино

Драматический театр им. С. Орджоникидзе
ГОРДЯЧКА

Начало в 12 часов.

ДРУЗЬЯ И ГОДЫ

Начало в 19 часов.

ГАСТРОЛИ

театра оперетты Кузбасса (в помещении Дворца культуры алюминщиков)

Большой заключительный концерт

Начало в 20 час.

КИНОТЕАТР «КОММУНАР»

Смерть Гарзана (10-30, 12, 13-30, 16-30, 18, 19-30, 21, 22-30).

Для детей — Случайная встреча (9 и 15).

Зал хроника — Мексика, которую мы любим (16, 17-30, 19, 20).

С 16 декабря

Утренние поезда (10-50, 12-40, 16-30, 18-20, 20-10, 22).

Для детей — Полустанок (9 и 14-30).

ФИЛИАЛ КИНОТЕАТРА

«КОММУНАР»

Полустанок (17, 19, 21).

СИБИРСКИЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

им. С. ОРДЖОНИКИДЗЕ извещает, что

26 декабря в 18 часов

в актовом зале института (пр. Металлургов, 20)

состоится защита диссертации

на соискание ученой степени кандидата технических наук инженером В. И. Бедаревым на тему:

«О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ МАГНИЯ С ЧУГУНОМ ПРИ МОДИФИЦИРОВАНИИ».

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке института (ул. Рудоконпровая, 49).

Справки по телефону: АТС, 26-64, коммутатор СМИ, 1-31.

Вспомнилась невинная повесть о любви. Какой она должна быть, эта повесть? Не знаю. Но в жизни любовь бывает простой, суровой и неотразимой, как у Толика и Маши.

Заявление министра обороны США

ВАШИНГТОН. Министр обороны США Макнамара объявил на пресс-конференции, что отдал приказ о закрытии или значительном сокращении деятельности 33-х военных баз, из которых 26 находятся в Соединенных Штатах, а 7 — в трех иностранных государствах.

По его словам, данное мероприятие приведет к сокращению военного и гражданского персонала и даст экономии в 106 миллионов долларов в год.

Вместе с тем Макнамара заявил, что сокращение военных баз никак не повлечет за собой ослабления военной мощи США.

(ТАСС).

Зам. редактора А. М. ЛИСЕНКО.

КИНОТЕАТР «ОКТЯБРЬ»

Случай в Даш-Кале (10-50, 12-40, 16-20, 18-10, 20, 22).

Для детей — Белая пряжка (9 и 14).

С 16 декабря

Козара — 1-я и 2-я серии в одной программе (10-50, 16-30, 19, 21-30).

Для детей — В твоих руках жизнь (9 и 14-30).

КИНОТЕАТР «ШАХТЕР»

Искатели счастья (11, 13, 17, 19, 21).

Дети до 16 лет не допускаются.

Для детей — Старик Хоттабыч (9, 15).

С 16 декабря

Смерть Гарзана (10-30, 12, 13-30, 16-30, 18, 19-30, 21).

Для детей — Доктор Айболит (9, 15).

КИНОТЕАТР «КОМЕТА»

Оптимистическая трагедия (10, 12, 14, 16, 18, 20, 22).

С 16 декабря

Все остается людям (10, 16, 18, 20, 22).